

РАЗЛОМ

ТИШИНА МЕЖДУ ЗВЕЗДАМИ

МИХАИЛ СОБЯНИН

Михаил Собянин
Разлом: Тишина
между звездами

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73750908
ISBN 9785006965331*

Аннотация

Разлом: Тишина между звездами. Арктика. Секретная станция «Ину-1». Миссия к Разлому. Попытка спасти человечество. Гравитация мертва, физика гниет. Впереди лишь «игольное ушко» сингулярности и голос из бездны: «Мы уже здесь. Почему вы так долго?» Эта книга – экзистенциальный хоррор на стыке научной фантастики и драмы. Что останется от человека, когда космос заберет у него всё?

Содержание

РАЗЛОМ: Тишина Между Звездами	5
Пролог: Рекурсивный мост	6
Глава 1: Разлом	8
Глава 2: Выбор четырёх	15
Глава 3: Эффект зеркала	25
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Разлом: Тишина между звездами

Михаил Собянин

© Михаил Собянин, 2026

ISBN 978-5-0069-6533-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАЗЛОМ: Тишина Между Звездами

Пролог: Рекурсивный мост

«Человечество напоминает беспечного арендатора, который сначала превратил дом в руины, а теперь, когда крыша вот-вот рухнет, с детским восторгом обнаружил в подвале потайную дверь, ведущую черт знает куда. Мы называем это поиском ответов. На самом деле мы просто ищем способ не платить по счетам».

– Из неопубликованных заметок профессора Ф. Терру

Профессор Франсуа Терру ненавидел запах меди. Для большинства это запах старых монет, но для него это был запах крови и той проклятой лаборатории, где в 2041 году его брат превратился в статистическую погрешность во время теста гравитационного деления. На языке отчёта это называлось некорректной локализацией массы. На человеческом языке – исчезновением.

Сейчас, на арктической станции «Инуk-1», этот запах присутствовал повсюду. Терру стоял перед панорамным экраном, за которым расстилалась тьма, такая густая, что прожекторы станции казались лишь жалкими спичками в колодце. Но тьма не была пуста. Там, в самом центре арктического безмолвия, на экранах, расположенных в наблюдательном штабе, красовался Объект R- Σ -0.

Это не было похоже на «червоточину» из дешевых сериалов. Это выглядело как рваная рана в самой ткани реальности. Она не вращалась. Она не светилась. Она... присутствовала. Даже звёзды вокруг неё вели себя неправильно, как стрелки часов, потерявшие центр. С тем же равнодушным упорством, с каким раковая опухоль присутствует в теле пациента. И профессор поймал себя на мысли, что человечество только что обнаружило не дверь в другую вселенную. А рентгеновский снимок собственной болезни.

Глава 1: Разлом

Парк при доме престарелых «Золотой закат» был одним из тех немногих мест на Земле, где еще пытались имитиро-

вать жизнь. Искусственные газоны здесь перемежались с настоящими, чахлыми кустами сирени, которые каждое утро опрыскивали питательной смесью, чтобы они не превратились в сухой хворост под ядовитым небом. Франсуа Терру медленно толкал инвалидную коляску по гравиевой дорожке. В кресле, укрытая тяжелым шерстяным пледом, сидела Элиза – женщина, которая помнила его еще молодым аспирантом, не обремененным судьбой целого вида. От неё пахло лавандовым мылом и старыми книгами, запахом уходящей эпохи, который Франсуа ценил больше, чем стерильный озон своих лабораторий.

– Мы ведь все скоро умрем, Франсуа? – Элиза не обращалась, её взгляд был прикован к пожелтевшему горизонту, где солнце казалось мутным масляным пятном – Не только мы, старики, доживающие свой век в этой позолоченной клетке. Весь этот мир. Я слышу, как он кашляет по ночам. Как стонет земля.

Иногда Франсуа тоже слышал этот кашель в данных спутников, в графиках кислотности океанов, в температурных кривых, которые больше не подчинялись никакой логике. Планета не умирала. Она медленно отказывалась от нас. Профессор остановился. Он наклонился к ней, поправляя выбившийся край пледа, и на мгновение его пальцы коснулись её сухой, как пергамент, руки.

– Нет, Элиза, – мягко сказал он, и в его голосе прозвучала та самая уверенность, которой он торговал на заседани-

ях Совета. – Мы не умрем. Я нашел дверь. Там, за звездами, есть место, где небо всё еще синее, а вода не горчит. Как только всё будет готово, я вернусь за тобой. Мы улетим вместе. Ты снова увидишь настоящие Альпы, а не эти голограммы в холле.

Элиза издала сухой, надтреснутый смешок. Она медленно повернула голову, и в её выцветших глазах блеснула искорка прежней, острой на язык девчонки из Сорбонны.

– Ох, Франсуа... Ты всегда умел обещать звезды, чтобы не говорить о том, что происходит на земле. Ты обещал мне Прованс в сорок пятом, помнишь? А сам сбежал с той рыжей лаборанткой из отдела физики. Ты бегал за каждой «новой надеждой» в юбке всю свою молодость. Ты и сейчас меня обманешь. Оставишь здесь, среди этих вянущих кустов, а сам прыгнешь в свою форточку.

– В этот раз всё иначе, – прошептал Терру, чувствуя, как к горлу подкатывает знакомый медный привкус. – В этот раз я обещаю не тебе. Я обещаю самой жизни.

Он закрыл глаза, вдыхая запах лаванды, пытаясь запомнить тепло её руки. Но реальность была слишком тяжелой, чтобы долго удерживать это видение.

Мягкий шелест гравия под колесами сменился резким гулом сервоприводов. Запах сирени растворился, уступая место тяжелому, давящему запаху меди и перегретого титана. Солнечное тепло парка сменилось мертвенно-голубым сиянием мониторов.

Франсуа Терру открыл глаза. Перед ним больше не было инвалидного кресла и умирающего парка. Была лишь стальная стена арктической станции «Инука-1» и бездонная чернота Разлома, пульсирующая за панорамным стеклом.

– Это не вопрос и это не ответ, – прошептал Терру, прижимая к груди папку с грифом «ОМЕГА», словно пытаюсь защититься ею от холода собственного решения. – Это всего лишь структурированный план.

Из Доклада №47 (Классификация: УРОВЕНЬ ДОПУСКА Ω)

Предмет: Проект ARCA. Объект R-Σ-0 («Разлом»)

Техническая справка (для понимания людьми, далекими от физики):

Объект не является черной дырой. Если бы он ею был, мы бы уже давно превратились в спагетти. Вместо этого мы имеем «анизотропную депрессию». Представьте, что пространство – это простыня, на которую кто-то уронил окуроч. Он не прожиг дыру, но изменил структуру нитей.

Гравитация: Почти нулевая. Вы не упадете в Разлом. Вы в него впитаетесь.

Время: Внутри структуры оно теряет свою привычную порядочность. Причина и следствие там больше не живут в одной квартире.

Риск: Полная когнитивная декогеренция. Проще говоря –

ваш мозг может забыть, как быть вами, раньше, чем сердце забудет, как качать кровь. Но если пройти эту точку и попасть за неё, то возможно мы получим новые и стабильные условия, для жизни, а значит и спасении цивилизации.

Особая пометка: Переход через Разлом – это первая попытка человечества выйти за пределы «божественных правил игры». Мы не знаем, кто устанавливал правила на той стороне, и надеемся, что они хотя бы слышали о гостеприимстве.

Закрытое заседание Совета (Протокол №104)

Зал заседаний напоминал склеп, где хоронили здравый смысл. Десять человек в дорогих костюмах делили остатки пресной воды и пахотных земель, обсуждая будущее вида с той же страстью, с какой антиквары обсуждают трещины на вазе.

– Мы не можем медлить, – вещал председатель Лисандро, чья улыбка была такой же фальшивой, как отчеты об уровне радиации в Европе.

– Планета стонет. Мы теряем 21% земель. Вода стоит дороже нефти. Миссия «ARCA-1» – это наш единственный шанс найти «ЕхoНаb-7» – новый дом.

– Вы называете это поиском дома, Лисандро? – профессор Терру, сидевший в тени, подал голос.

В зале повисла тишина.

– Я называю это массовой эвакуацией через форточку. Мы

отправляем четырех человек в место, где физика Эйнштейна считается плохой шуткой.

– Мы отправляем туда надежду, профессор, -отрезала представитель Чэнь Ли-Мэй.

– Надежда – это то, что мы упаковываем в чемоданы, когда понимаем, что дом сгорит через пять минут, – Профессор встал, его колени хрустнули в тишине зала. – Но раз уж вы утвердили бюджет на эти похороны, давайте хотя бы подберем актеров поталантливее.

Пачки документов двинулись по столам. Резолюция принята. Утвержден старт к Разлому из Инук-1. Легенда для публикации в прессе: «Испытание новых двигателей».

Истинная цель: Выжить при столкновении с реальностью, в которой человечество – лишь досадная опечатка.

Резюме проекта: Финальный протокол

Поскольку Объект R- Σ -0 лишен разрушительной гравитации классической черной дыры, переход через него не требует преодоления горизонта событий. Корабль не будет раздавлен; он будет транслирован. Гравитационные силы внутри настолько слабы, что материя сохраняет свою целостность, хотя сознание рискует превратиться в белый шум. Миссия «ARCA-1» – это игла, за которой должна потянуться нить. Если астронавтам удастся прошить ткань анизотропной депрессии и обнаружить на той стороне твердую почву – мир, где небо не пахнет гарью, а вода не требует дезактивации,

они зажгут маяк. Всего один сигнал. Один закодированный импульс, способный прорваться сквозь завихрения Разлома обратно на «Инуk-1».

И тогда тени на верфях Луны и Марса оживут. Десятки колоссальных транспортных ковчегов, уже застывших в ожидании на орбитах, сорвутся с цепей. Вторым этапом пойдут корабли с Земли. Это не будет колонизация. Это будет великое исселение. Человечество, точно рой, покидающий выжженный улей, устремится в это игольное ушко, чтобы начать всё сначала на чистом листе чужой, но уже своей реальности. Каждая великая цивилизация в своей истории однажды подходит к моменту, когда выбор прост: измениться, или исчезнуть.

Мы не просто отправляем четверых в неизвестность. Мы ставим последнюю подпись под историей старой Земли.

Глава 2: Выбор четырёх

«Мы были попыткой тишины заговорить. Теперь мы – сама тишина.»

– Ф. Терру

В главном зале Института межзвёздной координации царил та особенная, стерильная тишина, которая обычно предшествует либо великому открытию, либо грандиозному скандалу. На центральных экранах, занимавших всю стену, разворачивалось зрелище странное и в чем-то даже непристойное: человечество там перемалывали на мельчайшие цифровые отруби. Это не были портреты в привычном смысле слова. Скорее, это были призраки, собранные из налоговых отчетов, пульсаций сонной артерии и тех постыдных мыслей, которые человек обычно доверяет только подушке. Когнитивные кривые изгибались, как спины голодных кошек, а психолингвистические тепловые карты мерцали лихорадочным багрянцем. Если бы у души была инвентарная опись, она выглядела бы именно так. Искусственный отборщик – вычислительная машина с терпением работодателя и воображением гильотины – заканчивал свою работу. Вместе с ним в полумраке зала затаились десять «независимых наблюдателей». Эти господа имели тот изможденный и крайне важный вид, который приобретают люди, когда им поручают играть в Бога, не выдавая при этом аванса на накладные расходы. Программа не искала героев. Герои, как известно со времен Трои, слишком шумны и имеют скверную привычку умирать в самый неподходящий момент. Программа искала «взаимозеркальность». Это была «Фаза согласования вариативного сознания» – название достаточно длинное, чтобы удовлетворить любого бюрократа, и достаточно туман-

ное, чтобы скрыть простую и жуткую истину: четырех человек подбирали друг к другу, как детали в часовом механизме. Их сознания должны были не просто сосуществовать, а смыкаться в пазы, чтобы там, в ледяной пустоте аномального пространства, они не сошли с ума поодиночке, а превратились в одну общую, слаженно работающую галлюцинацию. На экранах, наконец, застыли четверо. Четыре фрагмента, четыре недописанных предложения, из которых расчетливая машина надеялась составить один связный текст. Ни один из них еще не подозревал, что его частная жизнь, его горести и привычка завтракать в тишине стали достоянием алгоритма, решившего, что они идеально подходят для того, чтобы вместе кануть в вечность. В полумраке зала один из наблюдателей – пожилой джентльмен в помятом пиджаке, явно скучающий от обилия цифр, наклонился к коллеге.

– Скажите, доктор, а этот ваш «Искусственный отборщик» учитывает, что если запереть в одной комнате четырех гениев с разбитыми сердцами, они скорее поубивают друг друга, чем спасут мир?

– Программа ищет не психологический комфорт, лорд Гамильтон, – сухо ответил второй, не отрываясь от графика нейропрофилей. – Она ищет резонанс.

– Резонанс – это то, от чего рушатся мосты, – буркнул Гамильтон, вытирая очки. – По-моему, мы просто выбираем тех, кого миру будет не жалко потерять. Посмотрите на этого физика, Такаши. Он же живой мертвец. А пилот? У него

в глазах столько «вчерашнего дня», что на завтрак места не осталось.

– Именно поэтому они и полетят. Человек, которому есть что терять, слишком сильно держится за земную гравитацию. А этим четверым... им уже давно всё равно, в какую бездну падать.

Акира Такаши был тем типом профессора, который верит, что Вселенная – это всего лишь очень длинное уравнение, которое просто нужно дописать до конца. Его жизнь в Киотском университете была памятником симметрии, пока гравитация не решила проявить характер. Спутник, который Акира помогал строить, рухнул на землю, нарушив все расчеты, кроме одного: он пробил крышу именно того лагеря, где находилась его дочь, Юна.

Акира не спорил ни с кем. Он просто замолчал. Он перестал носить часы и смотреть в зеркала, словно боясь увидеть там человека, который вычислил траекторию собственной гибели. Раз в год он переписывал дневник дочери, пытаясь логически продолжить её жизнь как «непрерывную функцию» – жалкая, но методичная попытка обмануть энтропию.

Майя Деви, молекулярный биолог, относилась к жизни с тем холодным любопытством, с каким патологоанатом изучает случайную муху на операционном столе. Она нашла «клетку в метеорите – открытие, которое должно было перевернуть мир, но лишь завязло в бюрократическом болоте. Научные журналы отвергли её статью, назвав жизнь «интер-

претационным искажением».

Для Майи человек был не венцом творения, а просто удачным вирусом, занесенным из космоса. В её квартире не было семейных фото – только увеличенные микроснимки РНК, похожие на чертежи инопланетных соборов. Она не искала контакта с иным разумом; она искала подтверждения, что мы – не чудо и даже не уникальный случай, а просто плесень на очень старом камне. Её улыбка никогда не совпадала с сигналами радости на приборах лаборатории. Майя Деви была слишком занята изучением кода, чтобы тратить время на эмоции.

Джон Хэдли, бывший пилот ВВС, был живым доказательством того, что время – это не река, а сломанный аттракцион. Его диагноз – «синдром инверсии памяти» – звучал как приговор из фантастического романа, но на деле это было медленное пыточное устройство. Джон «помнил» события за секунду до того, как они случались. Он не был пророком; он был человеком, обреченным дважды переживать каждый паршивый момент своей жизни.

Его военное прошлое было очищено от деталей, как палуба после боя, оставив лишь эхо-деперсонализацию и пустой ноутбук с одной-единственной записью детского голоса, читающего Библию. Хэдли согласился на отбор не ради подвига. Он просто надеялся найти то место, где время наконец-то перестанет повторяться и оставит его в покое. Он смотрел в стену так, будто видел на ней завтрашние газеты, и это зре-

лице явно его не радовало.

Замыкала четверку Амара Удози, социолог, которая коллекционировала мертвые языки так, как другие коллекционируют почтовые марки. Она знала семнадцать наречий, пять из которых уже не существовали в живой природе. Амара предсказывала исчезновение культур с пугающей точностью метеоролога, знающего, когда именно начнется буря.

Для неё человечество было «повтором», затянувшейся пьесой, которую пора бы отредактировать. Она не боялась будущего – она боялась, что в этом будущем мы забудем даже те немногие смыслы, что успели породить. На её запястье красовалась татуировка догонов – символ времени, которое пожирает само себя. Её архив в 47 терабайтов хранил голоса призраков, и сама Амара казалась одним из них – наблюдателем, решившим зафиксировать финальный аккорд цивилизации перед тем, как наступит абсолютная тишина.

Искусственный отборщик удовлетворенно замигал. Эти четверо были не лучшими представителями вида, но они идеально дополняли пустоты друг друга. Отборочный раунд закончился, впереди появился силуэт миссии.

Транспортный модуль Агентства – по сути, герметичная консервная банка на магнитной подушке – полз сквозь снежную бурю, завывавшую над аэродромом. Внутри пахло озоном, перегретым пластиком и той специфической казённой тоской, которая неизменно сопровождает великие государственные начинания.

Освещение было безжалостным. Четыре пассажира сидели в глубоких креслах, разделённые не столько проходом, сколько пропастью взаимного незнания. Это было похоже на зал ожидания у дантиста, где каждый уверен, что именно ему предстоит самое сложное удаление.

Японский профессор, Акира Такаши, сидел у иллюминатора. Он не смотрел на снежный хаос снаружи; казалось, его больше интересовала геометрия морозных узоров на стекле. Он сидел неестественно прямо, словно проглотил логарифмическую линейку. Каждые две минуты он педантично одёргивал манжеты, добиваясь идеальной симметрии – жалкая попытка навести порядок в мире, который однажды уже рухнул ему на голову вместе с обломком спутника.

Напротив него расположился Джон Хэдли, бывший военный пилот. Этот человек напоминал взведённую пружину, по ошибке упакованную в дешёвую гражданскую куртку. Его глаза постоянно бегали, сканируя замкнутое пространство, отмечая несуществующие угрозы. Когда модуль трянуло на снежном наносе, рука Хэдли рефлекторно дёрнулась к бедру, где уже давно не висела кобура. Это был человек, привыкший ждать катастрофы за секунду до её начала.

Тишина становилась плотной, как войлок. Её нарушало только лихорадочное шуршание стилуса.

Майя Деви, биолог из Индии, сгорбилась над электронным планшетом. Она строчила с одержимостью курицы, раскапывающей двор в поисках червя. Это были не слова, а бес-

конечные цепочки крошечных кружков и стрелок – то ли формулы белков, то ли шифр сумасшедшего. Время от времени она поднимала голову и моргала с той свиной интенсивностью, которая бывает у людей, слишком долго смотревших в окуляр микроскопа. Внезапно она перестала писать и направила кончик стилуса прямо на пилота.

– У вас удивительно низкая частота дыхания для предстартового стресса, – произнесла она. Голос её был похож на шелест сухой травы. – Вы используете технику принудительной гиповентиляции?

Джон моргнул, возвращаясь из своих мрачных расчётов. Он посмотрел на неё не как на женщину, а как на внезапно заговоривший приборной щиток.

– Я просто дышу, леди. Это всё, на что я подписался.

– Ваше тело ведет себя так, будто оно уже знает, что опасность миновала, – не унималась Майя. – Или будто вы уже умерли. С точки зрения биологии, это... восхитительно.

– С точки зрения здравого смысла, – вмешался Акира, не поворачивая головы от окна, – ваше любопытство статистически избыточно. Мы здесь не для того, чтобы изучать друг друга. Мы – детали одной машины. А детали не должны разговаривать, они должны подходить друг к другу по размеру.

– О, – Амара Удози, сидевшая сзади, издала тихий, гор-танный смешок. – Но детали этой машины сделаны из памяти и костей, профессор. Вы думаете, можно вычесть из урав-

нения то, что мы все чувствуем этот запах?

Она сидела совершенно неподвижно, как и подобает опытному этнографу в засаде. Её тёмные глаза, привыкшие разбирать мёртвые языки, теперь препарировали живых попугайчиков. Она видела не людей, а ходячие наборы привычек и застарелых страхов. В её взгляде читалась смесь профессионального интереса и лёгкой брезгливости натуралиста, обнаружившего новый, особенно странный вид жуков.

– Какой запах? – Джон напрягся, его пальцы вцепились в подлокотники.

– Запах меди, – ответила Амара, глядя ему прямо в затылок. – И старой пыли. Словно мы не в новый мир едем, а возвращаемся в дом, который сгорел до нашего рождения.

– Это просто озон от системы климат-контроля, – отрезал Акира, но его рука невольно дернулась, поправляя манжет.

– Вы все это чувствуете, – Майя вдруг улыбнулась, и эта улыбка была странно знакомой Джону, хотя он точно знал, что никогда её не видел. – Мы еще не доехали до комплекса, а наши пульсы уже начали синхронизироваться.

– Если вы сейчас скажете, что мы – «одна семья», – хрипло произнес Джон, – я выйду из этой консервной банки прямо на ходу.

– Мы не семья, – Амара снова откинулась на спинку кресла. – Мы – хор. Просто пока никто не знает слов песни.

Модуль начал замедляться. Впереди, сквозь снежную круговерть, проступила циклопическая бетонная пасть ангара

Института. И тут произошло нечто странное. Не мистика, нет – скорее, коллективный сбой нервной системы. Когда шлюз ангара начал открываться, все четверо одновременно вздрогнули. Синхронно. Это было похоже на то, как если бы через салон пропустили слабый электрический разряд. Акира отшатнулся от окна. Стилус Майи замер в воздухе. Джон напряг шею, словно ожидая удара сзади. Амара резко вдохнула. Это не было ощущением единства. Это было мрачное предчувствие четырёх совершенно неподходящих друг другу шестерёнок, которые вот-вот насильно вставят в один огромный и неизвестный механизм. В это же мгновение, в зале Института, Искусственный отборщик зафиксировал странную аномалию. Четыре нейропрофиля на экране, до этого двигавшиеся независимо, на долю секунды синхронизировались. Алгоритм отметил событие как «преждевременный резонанс» и автоматически присвоил ему статус: статистически невозможное совпадение. Никто из наблюдателей этого не заметил.

Глава 3: Эффект зеркала

Транспортный модуль замер, и звук его двигателей сменился протяжным, умирающим свистом. Снаружи беснова-

лась арктическая ночь. На горизонте медленно ползли полярные сияния, но их привычный зеленый цвет был испорчен странным фиолетовым оттенком. Спектрометры базы уже неделю фиксировали в излучении линии, которых не существовало ни в одном известном каталоге частиц. Ученые называли это «фоновой утечкой Разлома». Техники – просто плохой приметой. Но это была не та благородная тьма, которую описывают в романах. Это была тьма, густо замешанная на ледяной крошке и керосиновой гари, исходящей от базы Инук-1.

Франсуа Терру отметил в своём дневнике, что тратить триллионы долларов на строительство высокотехнологичного «Нексуса» среди ледяной пустыни – это всё равно что надеть смокинг для похода в свинарник. Но у правительства была своя логика: во-первых, здесь свидетелями ваших грехов могут быть только белые медведи, а во-вторых, лед – это бесплатный холодильник для тайн, которые слишком горячи для цивилизованного мира. Но это и огромный шанс вписать своё имя в историю человечества.

Шлюз модуля с лязгом открылся, впуская внутрь поток воздуха, который на вкус напоминал жидкий азот с примесью ржавчины.

– Выходите, господа, – прохрипел динамик. – И постарайтесь не дышать слишком глубоко. Здесь воздух не для легких, он для отчетности.

Первым на обледенелый пандус вышел Джон Хэдли. Он

остановился, и его рука привычно потянулась к запястью, где под рукавом куртки тускло мерцал армейский дозиметр. Прибор не просто пищал – он издавал дробный, нервный треск, похожий на стрекот саранчи в сухой траве.

– Шестьсот микрорентген, – Джон обернулся к остальным, его лицо в свете прожекторов казалось вырезанным из серого льда.

– И это мы еще не подошли к дверям, – Джон автоматически прикинул в уме дозу. При таком фоне год службы на базе давал больше облучения, чем десятилетие полетов над разрушенными реакторами Европы.

Но странность была не в цифрах.

Прибор фиксировал импульсы так, будто радиация приходила не из пространства, а из будущего сигнала.

Профессор Терру забыл упомянуть, что мы будем тренироваться в микроволновой печи?

– Это не утечка, Джон, – Майя Деви вышла следом, шурясь от бьющего в глаза света. Она не выглядела испуганной; скорее, она приняховивалась к воздуху с аппетитом хищника. – Это фон Разлома. Пространство здесь истончилось настолько, что из него начинает вытекать энергия, которой еще не придумали названия. Здесь самое слабое место на земле, радиация здесь проходит без стука и без сопротивления. Радиация – это просто единственный способ, которым наши приборы умеют кричать «караул».

– Странная гостеприимность для «нового дома челове-

ства», – подала голос Амара, кутаясь в тяжелую парку. – Если дверь в рай так фонит, боюсь представить, что нас ждет в прихожей.

– Гравитационные аномалии всегда сопровождаются ионизацией, – Акира Такаши спустился последним, его движения были методичны и точны, несмотря на пронизывающий ветер. Он посмотрел на трещащий прибор Хэдли с легким презрением. – Измерять Разлом счетчиком Гейгера – это всё равно что пытаться услышать шепот бога с помощью стетоскопа. Эффективность нулевая, зато создает иллюзию контроля.

Прямо перед ними, изрытая гусеницами тяжелых тягачей, уходила вдаль взлетная полоса, в конце которой возвышался Нексус.

Издалека он не казался зданием. Это была опухоль на теле ледника – монолит из серого титанопласта, который не просто стоял в снегу, а словно вминал его в землю своей неестественной массой. У него не было окон, не было швов. Он поглощал свет прожекторов с жадностью черной дыры.

Под титановой оболочкой скрывалось три уровня гравитационных стабилизаторов и кольцо квантовых вычислителей, предназначенных для единственной задачи – предсказывать поведение пространства за несколько секунд до того, как оно начнет вести себя неправильно. В инженерных отчетах Нексус называли «самой дорогой ловушкой для неизвестного в истории вида».

Это было триумфом механики над разумом: циклопическая консервная банка, в которой человечество собиралось переждать конец света или, что вероятнее, упаковать себя для вечного хранения.

– Добро пожаловать в Инук-1, – к ним подошел техник в маске, чьи окуляры светились мертвенно-зеленым. – Проходите в шлюз. И не задерживайтесь на открытом воздухе. Снег здесь не тает, он просто... меняет структуру.

– Как и мы все, – пробормотала Майя, глядя, как на её рукаве оседает странная, шестиугольная снежинка, которая мгновенно превратилась в каплю, напоминающую ртуть.

Они двинулись к Нексусу. И чем ближе они подходили, тем тише становился ветер. Возле самых стен тишина была такой абсолютной, что каждый слышал биение собственного сердца – и, что было гораздо страшнее, биение сердец соседей.

– Система динамического распознавания нейронного отклика активирована, – проскрежетал голос над главным входом. – Пожалуйста, оставьте свои сомнения снаружи. Внутри для них недостаточно места.

– Это самый сложный приказ, который я получал, – буркнул Джон Хэдли, пока сканер препарировал его сетчатку. – Попросите солдата не думать о смерти, а собаку не думать о кости.

Они вошли в Проекционный Блок. Профессор Франсуа Терру ждал их в центре зала. Он выглядел как человек, ко-

торый лично наблюдал за Большим Взрывом и остался крайне недоволен качеством спецэффектов. Изможденный, с лицом, напоминающим треснувшую карту старого мира, он не приветствовал их. Он просто активировал голограмму.

– Господа, забудьте всё, что вы читали в учебниках, – голос Терру был сухим, как пергамент. – Мы обнаружили не портал. Мы обнаружили анатомический дефект Вселенной. Разлом R-Σ-0 – это место, где мироздание забыло дописать законы физики. За последние два года они пытались описать эту аномалию семью различными теориями – от модифицированной гравитации до топологической ошибки инфляционной фазы Вселенной.

Ни одна из моделей не работала дольше двадцати секунд симуляции.

Пространство внутри Разлома каждый раз находило новый способ нарушить уравнение.

Он указал на мерцающий и странный объект.

– Здесь нет «горизонта событий». Вас не раздавит гравитацией, но ваше сознание может размазать по времени, как масло по хлебу. Координаты там становятся функцией наблюдателя. Проще говоря: если вы верите, что вы падаете – вы будете падать вечно.

– Значит, мы отправляемся в место, где реальность – это вопрос личного мнения? – едко спросила Майя Деви. – Довольно сомнительная основа для научной экспедиции.

– Именно поэтому выбрали вас, доктор Деви, – Терру

в упор посмотрел на неё. – Нам не нужны те, кто верит в чудеса. Нам нужны те, кто настолько сломлен или одержим, что готов противопоставить свою внутреннюю пустоту – пустоте внешней.

Их завели в «Бассейн» – пятнадцатиметровую чашу, покрытую антибликовым составом. Это не было тренировкой выносливости. Это был сеанс коллективного безумия под присмотром приборов.

– Включаю симуляцию гравитационного сдвига, – объявил голос сверху.

Воздух внезапно стал тяжелым, как мокрая шерсть. Пространство начало «лагать» – стены зала то приближались, то уходили в бесконечность.

Акира висел в гравитационном кольце. Для него это не было физическим упражнением. Это была математика боли. 33 секунды. Ему казалось, что он снова стоит на том аэродроме. Перед глазами всплыла формула, написанная на стене бассейна. Но это была не его формула. Буквы складывались в неровный, детский почерк Юны.

– Папа, – прошептал воздух у самого уха. – Я не умею падать правильно.

Акира закрыл глаза, но цифры продолжали гореть на внутренней стороне век. «Если я найду точку входа, – думал он, – я смогу вычесть это событие из реальности. Я просто сокращу её имя в этом уравнении».

Майя Деви ощущала не страх, а зуд. Её ладони горе-

ли. Вкус меди на языке стал невыносимым. Она смотрела на Джона Хэдли, который висел напротив. В какой-то момент ей показалось, что его кожа стала прозрачной, и она увидела под ней не мышцы, а тот самый белковый код из менторита.

– Мы не люди, Джон, – прошептала она, и её голос через систему связи услышали все. – Мы просто упаковка для информации, которая хочет вернуться домой.

Джон Хэдли не ответил. Он сражался с самым страшным врагом – своим «завтра». Его накрыло инверсией: он уже чувствовал холод Разлома, хотя до старта было еще несколько дней.

– Я уже слышал это, – прохрипел он. – Амара, ты сейчас скажешь про «архив».

Амара Удози, чье лицо в свете неоновых капилляров казалось вырезанным из черного дерева, медленно повернула к нему голову.

– Я – архив, Джон. Но ты – страница, которую уже вырвали.

В этот момент приборы в операторской взбесились. Ритмы их сердец совпали до удара. Четыре разных человека превратились в один четырехтактный двигатель. На панели оператора вспыхнула строка: **КОГНИТИВНАЯ СИНХРОНИЗАЦИЯ – 1.2%**

Алгоритм диагностики автоматически пометил событие как «невозможное статистическое совпадение» и отправил

его в архив ошибок.

– Парадокс включен, – пробормотал профессор в зеркальной кабине, глядя на мониторы. – Они начинают «протекать» друг в друга.

Центр «Нексус» ночью напоминал спящее чудовище. Электроника жужжала на грани ультразвука. Джон Хэдли подошел к кофейному автомату в пустом холле. Нажал кнопку «Эспрессо». Машина загудела и выдала стакан горячей, красной жидкости, пахнувшей железом. Джон долго смотрел на неё, а потом просто вылил в урну. Он не удивился. В этом здании логика уже давно сдала свои полномочия.

Он столкнулся с Амарой у входа в жилой сектор. Она стояла босиком на холодном полу, вглядываясь в темноту коридора.

– Вы тоже это слышите? – спросила она.

– Что именно? – Джон напрягся. – Гул вентиляции?

– Нет. Голоса тех, кто еще не родился, но уже просит нас не приходить.

Джон хотел отпустить какую-нибудь шуточку про плохую изоляцию и переутомление, но слова застряли в горле. В глубине коридора, где свет дежурных ламп не справлялся с мглой, он увидел силуэт маленькой девочки с розовой лентой в волосах. Она не двигалась. Она просто ждала. А в кабинете Терру на главном терминале всплыло сообщение. У него не было отправителя. У него не было протокола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.